

Дама с чужими собачками

Автор:

[Екатерина Островская](#)

Дама с чужими собачками

Екатерина Николаевна Островская

Следствие ведет Павел Кудеяров #3Татьяна Устинова рекомендует

В этом элитном коттеджном поселке обосновались уважаемые состоятельные люди. Единственное исключение – обитающая в скромном домике молодая женщина-кинолог, она зарабатывает тем, что берет на передержку чужих собак. За что же ей всадили нож в сердце? Неужели только за то, что она не вписывается в местный бомонд?..

Старые добрые друзья – московский следователь Кудеяров и местный участковый Францев – ищут убийцу, ловко орудующего стилетом. А таинственный преступник тем временем находит новую жертву...

Екатерина Островская

Дама с чужими собачками

© Островская Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

– Ну ты и вымахал! – удивился Францев, похлопывая друга по плечам. – Ну-ка поворотись, покажись... Сколько же мы с тобой не виделись? Два года почти.

– С прошлого лета, – уточнил Кудеяров, пытаясь высвободиться из объятий и оглядывая при этом кабинет участкового инспектора.

– Разве? – не поверил Николай. – Ну все равно почти полтора года не виделись. А ты таким накачанным стал... С утра до вечера, поди, с тренажера не слезаешь.

– Как раз наоборот: из кабинета не вылезаю. Вот и набрал лишнего веса.

– Наслышаны о твоих успехах. А я тоже, если честно, на месте не стою. Думал на пенсию уйти: и возраст, и выслуга позволяют, а тут мне подполковника присвоили. Сам понимаешь: сельский участковый, и на тебе – подполковник... Даже в Москву на совещание ездил: выступал перед коллегами, опытом делился... Сам понимаешь, я у коллег в авторитете: участковый и с орденом Мужества на груди.

Францев замолчал, поняв, что Кудеяров не случайно появился на пороге его опорного пункта...

– Паша, а ты к нам по делам или так – по старой памяти?

– Неделю отпуска взял, чтобы родителей навестить, а потом сводки посмотрел – у тебя на участке нераскрытое убийство с прошлого месяца висит. Вот и решил заскочить к тебе.

Участковый, продолжая радостно улыбаться, развел руками:

– Да я к расследованию никакого отношения... Труп обнаружила местная жительница... То есть жительница того самого коттеджного поселка «Ингрия», в котором проживала потерпевшая и который тебе самому хорошо знаком. Свидетельница проходила мимо участка и услышала, как воют собаки, зашла на территорию, приблизилась к дому...

– Какие собаки воют? – не понял Кудеяров.

- В доме потерпевшей собаки выли. Убитая - кинолог, то есть была кинологом... Так они в доме находились: две принадлежали потерпевшей, а одну она взяла на передержку... Короче, свидетельница первым делом позвонила мне: я примчался, удостоверился, что смерть носит криминальный характер, и доложил в РУВД. Потом уж туда налетели все, но я до того осмотрел все очень тщательно.

- На что ты сразу обратил внимание?

Францев задумался, а потом кивнул:

- Там немного странно все было. Свидетельница показала, что она вошла на участок и увидела следы, которые вели к дому. Тогда первый снег выпал. Он через пару дней растаял. Или даже раньше. Но тогда слой был тридцать миллиметров, если верить метеорологам. Снегопад начался около десяти вечера, а закончился в полвторого ночи. То есть кто-то уже после этого времени зашел на территорию, убил хозяйку ножом и назад не вернулся.

- Как этот кто-то мог остаться дома?

Францев молча пожал плечами.

- Как это возможно? - не поверил Кудеяров.

- Невозможно, конечно, - согласился участковый, - но я обошел дом снаружи, потом проверил все комнаты, а их там всего-то пять, включая ванную. Везде пусто. Но из дома никто не выходил. По крайней мере, следов не оставил.

- А те следы, которые обнаружила свидетельница, были зафиксированы?

- Какой там! - махнул рукой Николай. - Как примчались эти из РУВД и из районного следкома, начали туда-сюда перемещаться и все затоптали. А я не сообразил сразу на камеру в телефоне зафиксировать. Но описать следы могу... Это были отпечатки женских ботинок размера так тридцать девятого или сорокового на плоской подошве...

- Как ты размер определил?

- Так чего его определять: у погибшей был как раз тридцать девятый. В прихожей стояли и сапожки, и ботики.

- А то, что женские боты, как узнал?

- Просто предположил. Не может же быть у мужика такого размера.

Францев наконец опустился в кресло и указал рукой гостю на такое же.

- Что мы о деле и о деле! Погляди-ка лучше, какая у меня обстановочка теперь.

- В прошлом году эта мебель уже у тебя была. Тебе ее Ашимов [1 - Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».] подарил, когда покидал здешние места. Ты еще жаловался, что начальник РУВД на тебя наезжает, говорит, что это подарок всей районной полиции, а не тебе лично, а потому ты должен с ним поделиться.

- Какая у тебя память! - восхитился участковый. - Потому, наверное, ты и пойдешь далеко, то есть высоко взлетишь... Небось, уже полковник юстиции?

- Я и подполковника досрочно получил, так что положенные пять лет надо нового звания ждать.

- Ну уж недолго осталось...

- Ладно, - махнул рукой Кудеяров, - давай о том убийстве. Что там тебя насторожило?

- Следы... Потом орудие убийства - классический финский нож, который в просторечии называется финкой, то есть назывался, потому что таких ножей я уже давно у блатных не видел. Сейчас в обороте все больше армейские ножи, нож-бабочка или с выкидным лезвием... А там, в теле, остался такой классический...

- Финский нож, говоришь? - встрепенулся Павел. - А какой? Они же разные. Есть финский армейский «пуукко», отечественный нож разведчика «НР?40», еще «финки НКВД», которые изготавливались на заводе «Труд» лет семьдесят

назад. Есть современные финские ножи – «гюрза», например.

– Погоди, – остановил друга Францев, – я имел в виду обычный финский нож, которым в далекие времена щеголяли все блатные и приблатненные. С наборной рукоятью.

– Они тоже по-разному выглядят и называются: «кишкоправ», «фенька», «приблуда», «дунька», «перо», «лезвие»...

– Там небольшая финка была, – объяснил участковый, – для маленького кулачка – вроде как для женщины.

– Значит, «дунька». С гардой или без?

– С чем? – не понял Николай. – А, с такой штучкой, чтобы не соскользнула ладонь... У кортика такая же... Ну да, с гардой. – Участковый покачал головой. – Ну у тебя и память, Паша... Я, может, тоже в далекие времена еще в школе милиции знакомился с видами ножей, но не помню ничего. Знаю только, что пленум Верховного суда в 1996 году изъял финский нож из перечня опасного холодного оружия...

– Рукоять какая была, – продолжил Кудеяров, – наборная, разного цвета?

– Нет. Из рога сделана. Может быть, из лосиного, может, оленьего. Но рог темный был и полированный. Я в этом как-то не особенно разбираюсь, – ответил участковый.

Павел молчал.

– Может, чайку? – предложил Францев.

Гость покачал головой.

– А может, за встречу по рюмашке коньячка? Я знаю, что ты днем ни грамма, но скоро обед. Может...

– Я вот о чем думаю, – не ответил ему Кудеяров, – убийца исчез, а оружие убийства оставил в теле жертвы. Нож женский, такими в былые времена обладали авторитетные воровки, или их дарили своим девушкам блатные авторитеты. Причем шмарам разным такие подарки не делали. Если убийца не забрал или не забрала этот нож, то...

– Он был оставлен специально, чтобы навести нас на ложный след, – догадался участковый, – чтобы мы, увидев это перо, сразу начали потрошить бывших сидельцев или лиц, с ними связанных, в надежде, что кто-нибудь из них опознает предмет и скажет, кому он принадлежит. Был бы здесь бывший местный житель Вася-в-квадрате, он бы все нам рассказал... То есть вам, товарищ подполковник юстиции... Удивляюсь, как тебе удавалось тогда на откровение такого серьезного авторитета раскручивать? Он, кстати, год назад заезжал как-то и сюда заходил, тобой интересовался, и я сказал, что ты в Москве и у тебя все в порядке.

– А Вася?

– Сказал, что живет в Порто каком-то... то есть в Италии. И у него тоже все путем вроде. Только сердце за родину болит. Ностальгия, по его словам, это как финская приблуда в сердце... Надо же! – удивился Николай. – Именно так и сказал про финский нож. А вот название города я забыл.

– Портофино, наверное, – предположил Кудеяров, – это курортный городок на Лигурийском море. А без Васи ты сам не вспомнишь, кто тут не по одной ходке имеет? Если среди подобных почетных жителей нашего городка имеется женщина, то назови ее имя в первую очередь.

– Так только одна у нас такая – Варвара Краснова – нынешняя владелица ресторана «Вертолет», который мы с тобой в былые времена посещали. Но только сейчас это заведение не такое солидное, теперь оно как молодежный клуб работает. Краснову сейчас между собой называют Варвара-Краса.

– Симпатичная?

– Я бы не сказал. Хотя на любителя. В прежние времена ее звали Варька Лопата. Она же карманницей была. А «лопата» или «лопатник» на жаргоне означает...

– Кошелек, – поторопил друга Кудеяров. – Ты говоришь: сейчас она владеет популярным в прежние времена рестораном. И что слышно про это заведение?

– Болтают всякое. И то, что там наркоманы тусуются, дежурные проститутки за стойкой, официанты обсчитывают и алкоголя в коктейли не доливают. Но заведение проверяли, в том числе и я принимал участие, но ничего такого... Девочки за стойкой присутствуют, разумеется, но у нее же ценник на лбу на обозначен, а контрольные закупки мы не делали... С Варварой я лично беседовал пару раз, интересовался, кто ее крышует, но узнал лишь, что она и сама за себя постоять может. Варя сейчас под пятьдесят, выглядит лет на сорок. Не замужем, но жила некоторое время с парнем лет на пятнадцать младше себя. Или даже на двадцать. Потом его выперла. Свидетели рассказали, как она вытаскивала его из машины... То есть не она лично, а человек из ее клуба вытащил несчастного, и Варя уже сама обработала его по полной. А тот паренек на вид не слабак. Краснова его уже на земле ногами добила.

– В каком смысле? – не понял Кудеяров. – До смерти?

– Нет, конечно, до отключки. Но он сам потом встал, какие-то сердобольные бабульки мимо проходили, помогли ему дойти до нашего медцентра. Ну а потом его никто не видел больше.

– Разберись с этим, – попросил Павел и добавил: – И еще: не особенно распространяйся, что я здесь.

Они вышли вдвоем, и Францев увидел черный «Ауди Q7».

– Это твой? – удивился он.

– Служебный. У меня личная «Хонда» была, если ты помнишь, но почти год назад ее мне взорвали. И начальство решило как-то компенсировать.

– Взорвали? – не поверил Николай. – А ты где был?

– Рядом стоял. Потом бабахнуло, и меня метров на семь отбросило. Повезло, что не на асфальт, а на газон. Если бы припарковался на это место, но в другую сторону, то могло бы отбросить как раз на трассу под поток машин. Но я и без

того целый месяц в госпитале валялся.

- И кто это сделал?

- Кто сделал, не так важно, но заказчика взяли. В один прекрасный момент он вдруг стал владельцем крупного градообразующего предприятия. Бывшие владельцы пытались добиться справедливости, но стали вдруг умирать один за другим. А те, кто хотел жить, отказались от своих претензий. Кроме того, на стороне нового хозяина - человека с криминальным прошлым - вдруг оказались и местная власть, и местные правоохранительные органы.

Павел открыл дверь, и Францев заглянул в салон.

- Какая красота! - восхитился он. - А какой запах! Дашь покататься?

- Да хоть сейчас садись за руль.

- Сейчас не могу, - вздохнул участковый, - сейчас у меня дела.

Кудеяров сел за руль и уехал, а Николай вернулся к своему рабочему столу, опустился в красное кожаное кресло, в спинку которого был встроен массажер, выдохнул, выдвинул ящик стола и посмотрел на фляжку с виски, преподнесенную ему пару недель назад на День милиции главой поселковой администрации, вздохнул и задвинул ящик. Было очень обидно. А как не обидеться, когда друг разговаривал с ним как с дураком, расспрашивал, хотя сам наверняка знал гораздо больше, чем он, рядовой участковый. Впрочем, конечно, далеко не рядовой.

Францев еще раз оглядел свой кабинет и вспомнил, каким он был несколько лет назад: выцветшие обои, продавленный диван для посетителей, на котором приходилось порой спать, когда в соседней комнатке, считавшейся его жилплощадью, оставались ночевать друзья после вечерних посиделок. Когда-то здесь стоял еще ободранный холодильник, постоянно дребезжавший с такой оглушительной злобой, что приходилось его пинать ногой, чтобы он притих хоть на пару минут. А сейчас на том же месте стоит, сверкая черной зеркальной дверью, двухметровый красавец.

Подполковник достал мобильный, размышляя, кому бы позвонить. А потом положил телефон на стол. Снова выдвинул ящик, посмотрел на фляжку. В голову пробиралась какая-то песня или стихотворение – мелодия подзабылась, но слова вспомнились отчетливо, и Николай произнес их громко, сбрасывая с себя напряжение и обиду:

И тебе в вечернем синем мраке

Часто видится одно и то ж:

Будто кто-то мне в кабацкой драке

Саданул под сердце финский нож.

За окном слышался звук двигателя подъехавшего автомобиля. Не прошло и минуты, как отворилась дверь и в кабинет вошел Кудеяров.

– Вернулся, чтобы извиниться.

– За что? – изобразил непонимание Францев.

– За разговор. Я надеялся, что ты знаешь больше, чем следствие. Так что прости. А вечером мы обязательно посидим и на все темы с тобой поговорим. А что касается тех следов, которые сбили с толку не только тебя, но и следователя Карпова, – тут все просто. Просто убийца надел обувь хозяйки и ушел спиной вперед. Хотя, может, он ушел в своей обуви, а в этом случае он невысокого роста или и вовсе женщина. Но ясно одно, что убийца пришел до начала снегопада, а ушел после того, как он закончился. Судя по моменту наступления смерти гражданки Черноудовой и по приблизительному времени прекращения снегопада, прошло около часа. Что делал в это время убийца в доме? Ты же сам видел при первичном осмотре помещений, что следов разгрома и поисков чего-либо – денег, драгоценностей – нет.

– Не обнаружил, – подтвердил Николай, – потому что все было прибрано.

– А если убийца ничего не искал, то он очень хладнокровен и выдержан. Остаться на месте преступления и ничего не делать – немного странно...

– Мне кажется, что он выпивал, – вдруг догадался Николай, – на кухонной столешнице стояла пустая бутылка виски, а в мойке два стакана. Но отпечатков пальцев не было: ни на бутылке, ни на стаканах, как и на ручке входной двери. Убийца не просто хладнокровный и спокойный, как ты заметил, – он еще и опытная тварь: сам подумай – убил, допил виски, надел ботинки и утопал спиной вперед, чтобы никто не сомневался, что кто-то вошел внутрь и не выходил. Местный следком в полном недоумении.

– Следователь Карпов, чтобы не мучиться догадками по поводу направления следов и закрыть дело, высказал предположение, что Алевтина Черногудова убила себя сама, а то, что на орудии убийства не было никаких отпечатков, объяснил предположением, что их могли слизать собаки. Узнав о таком выводе, я и решил приехать. Ведь это мой район... То есть наш. Так что работаем вместе, Коля.

Францев поднялся со своего кресла почти стремительно и выпалил громко:

– Всегда готов!

– Тогда потряси аккуратно эту Варвару-Красу и на своих информаторов надави – пусть побегают: наверняка кто-то что-то знает. Должен знать. Я дело изучал: так вот, в телефоне убитой контактов более трех сотен, и это только те, с кем она общалась довольно часто. А я направляюсь в поселок: у нас там с тобой есть две очень наблюдательные помощницы.

– Люба с Виолеттой? – переспросил Николай. – Но я же с ними беседовал сразу же, и они ничего не знают. Единственное, что может помочь, – то, что именно Люба, которая, как ты помнишь, замужем за банкиром Гуревичем, обнаружила тело.

– Тогда обе, может, и не знали ничего, но, учитывая их активность, могли что-нибудь разведать. Проверь!

Францев кивнул и поинтересовался без всякой надежды:

– Может, пообедаем сначала?

Но, увидев лицо друга, тут же изменил свое предложение:

- Тогда хоть поужинаем у нас?

- Подумаю, - кивнул Павел.

Ничего не сказал больше, повернулся и вышел из кабинета участкового.

«А может, он приехал не по нашему делу, - подумал Николай, - убийство дамы с собачками - прикрытия, чтобы начальство отпустило. Наверняка у него встреча с Мариной [2 - Екатерина Островская. «Двери в темное прошлое»]. Сколько же длятся их отношения? Года четыре или около того. Неужели на сей раз решили пожениться?»

И он порадовался за друга. Порадовался, разумеется, не потому, что Марина Лужина - богатая женщина, у которой солидный бизнес - крупное мебельное производство, а потому, что Павел и Марина по-настоящему любят друга друга. И то, что они до сих пор не вместе, - досадная и нелепая случайность.

Францев поднялся с кресла, зачем-то погладил кожаную обивку спинки. Покидать теплое помещение не хотелось, но служба есть служба, хотя предстоит заниматься делами, которые не входят в его обязанности участкового, но об этом попросил Павел, а значит, надо помочь ему. И спросить, что у него с Мариной... Как-нибудь тактично, как будто случайно вспомнил.

Глава вторая

Участковый зашел в ресторан и оглядел зал. Посмотрел и на огромный пропеллер под потолком, который летом нагонял в зал прохладный воздух. Мимо пробежала молоденькая официантка, Николай сделал попытку остановить ее.

- Девушка!

Та едва остановилась, обернулась на ходу, сказала быстро:

– Я ничего не знаю, я только второй день здесь.

И скрылась в подсобке.

Францев направился к барной стойке, буфетчица стояла спиной к нему, но Николай узнал ее.

– Давно здесь?

Женщина обернулась и постаралась приветливо улыбнуться, продолжая молчать.

– Алена Сорокина, я, кажется, задал вам вопрос, вы что, принципиально не хотите со мной общаться?

– Здравствуйте, Николай Степанович, – наконец ответила буфетчица, – просто голова кругом. Я здесь всего два месяца, но столько всего навалилось... Не думала даже, что работа за стойкой такая ответственная и тяжелая: столько надо всего знать...

– Я чего тут знать? – удивился Францев. – Наливай да пей.

– Намек поняла, – шепнула женщина, – вам чего налить?

– Я не в этом смысле, – затряс головой Николай, – это я к тому, что если бы ты работала не два месяца, а два года, то ты знала бы всех постоянных клиентов.

– Так я и так их знаю: все же местные. В основном, конечно, молодежь, но я и родителей их знаю.

– Да меня одна тут интересовала, но она не из самого Ветрогорска, а из коттеджного поселка «Ингрия». Черноудова Алевтина.

– Эта та, которую недавно убили? – снова шепнула буфетчица. – Но ту я тоже здесь видела. Особо ничем она не отличалась.

- Ну ладно, чего уж там, - вздохнул Николай.

- Но слышала про нее много чего, - так же тихо продолжила женщина.

- Что, например?

Сорокина посмотрела в зал, проверяя, не слушает ли кто их разговор, наклонилась к барной стойке и совсем негромко произнесла:

- Ну, типа того, что у нее был роман с Холодцом, а до того с Артемом, который служил водителем хозяйки... Он тут поставил своих распространителей... Так говорят, но сама я не могу утверждать, потому что тогда только пришла и не успела...

Она не договорила и резко отстранилась от стойки. Николай обернулся в сторону зала и увидел ту самую молоденькую официантку, которая не захотела общаться с ним. Но теперь рядом с ней стояла крашенная блондинка средних лет с розовыми тенями вокруг глаз. Эта была владелица ресторана Варвара Краснова. Она быстро махнула ладонью, и молоденькая официантка, стуча каблучками, удалилась.

- Какая шустрая девочка! - громко удивился Францев. - Я только подумал, что надо вас позвать, а она сама сразу за вами.

- У вас ко мне какие-то вопросы? - поинтересовалась Краснова.

Участковый шагнул к ней.

- В качестве профилактики я обязан это сделать, - с грустью в голосе произнес Николай, - а то разные сигналы поступают, люди настойчиво просят принять меры.

Краснова покосилась на буфетчицу и громко произнесла:

- Прошу проследовать в мой кабинет, товарищ подполковник.

Переступив порог, Францев удивился:

- Надо же - ничего тут не изменилось!

- Бывали здесь прежде? - поинтересовалась хозяйка ресторана, проходя за свой стол и усаживаясь в кресло.

- Приходилось, и не раз, - признался участковый, придвигая к себе кресло для посетителей. - Но это было давно, еще когда это заведение принадлежало Дмитрию Васильевичу Романову. А еще ему принадлежали кафе «Романсеро», пирожковая «Ромовая баба»...

- А еще и итальянский ресторан «Мама Рома», - продолжила Краснова, - а теперь эта именно точка - мой ресторан.

- Повезло тебе, - кивнул участковый, - хорошее заведение было. И дорогое для наших мест. А насколько я помню, ты, Варвара Григорьевна, откинулась шесть лет назад. Приехала сюда, встала на учет... Потом на пару лет пропала, вернулась еще беднее, чем была, и вдруг покупаешь «Вертолет»...

- А вы мои деньги считали? Я эти два года на нефтедобыче вкалывала - буфетчицей в далекой таежной глуши.

- Ну да, - согласился Францев, - как говорится, тайга - закон, медведь - хозяин. Короче, настрадалась ты выше крыши. Ну хоть деньги платили - и то хорошо. Вася-в-квадрате на тебя не выходил?

- Кто? - изобразила непонимание женщина.

- Василь Васильевич Кульков - он же Вася Кулек, он же Вася-в-квадрате, прозванный так за свои размеры, - спокойно объяснил Францев, - ты че мне дурочку включаешь?

- Я никого не включаю, - поморщилась Краснова, - я просто даю понять, что с прошлым завязала, у меня теперь другая жизнь. Кроме того, с гражданином Кульковым близко знакомой не была. Да и когда мне с ним... Когда на меня первый зоновский бушлат шили, на него еще, как говорится, только...

– Ты бы, Варя, помолчала лучше, – остановил ее Николай. – Кулек при мне с Романовым о продаже этого кабака договаривался, но тогда они не успели сделку закрыть, потому что срочно линять надо было обоим. Вот Вася и решил на тебя оформить... Знает, что ты не предашь и не кинешь. Кстати, как он там у себя в Портофине?

Женщина молча пожала плечами.

– А он знает, что у тебя тут наркотой торгуют?

– Клянусь мамой, гражданин начальник, не было такого...

– Мама твоя умерла три года назад; я сам в протоколе указал, что смерть некриминальная. Квартирка после ее смерти освободилась, и ты тут же прилетела из далекой таежной глуши, а точнее из города Пензы, где ударно вкалывала мамочкой в подпольном борделе.

Краснова выдвинула ящик стола, достала оттуда пачку сигарет и зажигалку.

– Ну да, был у меня сложный период в жизни, когда пришлось трудиться в сфере неофициальных услуг, но кому что плохого делала? Клиенты-мужики, местные и гости города, счастливыми уходили, девочки на учебу себе зарабатывали. Менты... простите, сотрудники правоохранительных органов тоже внакладе не оставались. И мы...

– И вы все вместе строили коммунизм в одном отдельно взятом городе, – продолжил Францев. – Ты мне лучше скажи, за что Холодец твой накидал твоему же Артему? Честно говори, чтобы потом тебя спецы не кололи с вопросами о том, что тут на твоей территории Артем наладил.

– Да ничего он не наладил, Николай Степанович! Они девушку не поделили. Да там такая девушка: сегодня с одним, завтра с другим.

Участковый кивнул, как будто не ожидал иного объяснения.

– Алевтина Черноудова? Так ведь?

Краснова достала из пачки сигарету, щелкнула зажигалкой и пожала плечами.

– А я знаю, как ее звали?

– Знаешь! – уверенно произнес Николай. – Ты даже знаешь, что ее убили сразу после того, как твой Сережа Холодец наkostenял твоему же Артему.

Варвара выдохнула струю дыма, помахала ладошкой, разгоняя ее.

– А я-то здесь при чем? И мой ресторан? Мужики подрались из-за бабы... Только, насколько я помню, это было сразу после того, как ее замочили.

– А ты Артему, уже лежащему, с носка по челюсти въехала. За что такая жестокость? К той девушке приревновала? Или все-таки за наркоту?

– Ваша правда, Николай Степанович, – кивнула женщина, – за наркоту поганую. Попытался он... в смысле, Артем, через одного хмыря здесь сбывт наладить. Хододец его сразу взял, а тот и указал на моего водителя бывшего.

Францев посмотрел на часы:

– Как время летит! Уже обедать пора.

Он поднялся:

– Ну, будем считать, что профилактическая беседа проведена.

Он пошел к выходу, но у двери остановился и обернулся.

– А какой у тебя размер ноги? Дело в том, что Лене моей подарили сапоги итальянские – очень крутые, но с размером ошиблись. Можно было бы продать через магазин, но эти сапоги стоят столько, что у нас в городке вряд ли кто их подымет...

– С размером мне не повело, товарищ подполковник. У меня тридцать пятый. В магазинах если что стоящее появляется, то только больших размеров. У твоей

Лены какой?

- Тоже маленький. А сапоги тридцать девятого ей привезли. Так что, если у тебя есть на примете такая подружка...

- У меня подружек нет.

- Разве? - удивился участковый. - А мне говорили, что тебя видели с «дунькой».

- Какой еще Дунькой? - не поняла рестораторша.

- У которой костяная ручка и гарда. Перо такое. У тебя его видели.

- А-а, ты про ножик. Врут твои осведомители. Так я с ножами не хожу. Во-первых, у меня масть другая, а во-вторых, и это на самом деле главное, я завязала. И мой тебе совет, Николай Степанович, ты не очень щеголяй знанием фени. Не поймут тебя люди. Сейчас на ней никто не болтает. Будешь к нынешним уркам с таким базаром подъезжать - за клоуна тебя примут. А приبلудины я не ношу и не храню. Так и передай следаку московскому. Ведь это он тебя ко мне отправил?

- Да он по своим делам к нам, а ко мне по старой дружбе завернул.

- Нет у него никаких личных дел: его Вика давно уже за другим замужем.

- Что ты вдруг про учительницу вспомнила? - удивился Николай. - Это было давно и неправда к тому же. Что ты всякие сплетни собираешь?

- Прости, Николай Степанович, само как-то вырвалось. Твоего дружка потом уже с другой под ручку видели.

- И про это тоже распространяться не надо, а то ведь Кудеяров и обидеться может - а он теперь большой человек: из его кабинета Колыму видно.

Францев вернулся в зал, подошел к стойке и посмотрел на буфетчицу.

- Что, твой муж продал свою «Газель»? Не вижу его фургончик.

- В аренду сдал, - ответила Алена, - так он сам с ней в аренду сдался. На каком-то складе товар берет и развозит по точкам. Зарплата неплохая, только приходится делиться с боссом, который его туда пристроил, на него договор со складом оформлен... - Женщина обернулась, чтобы удостовериться, что никто не подсушивает, и все равно перешла на шепот: - А Кудеяров-то по какому делу приехал?

- По личному, - так же шепотом ответил Николай.

- Так у его Вики с Уманским все хорошо, если он думает...

- Что вы все бабы такие дуры! - возмутился участковый. - Если личное, а не служебное, значит, речь о девушке. А он ко мне примчался, чтобы отдохнуть. Пока лед не встал, можно и на рыбалочку смотаться. На спиннинг, конечно, поздновато и холодно, но на донку ловить самое то.

Францев положил на стойку визитку:

- Позвони, если вспомнишь что.

Алена кивнула молча, потом оглянулась и быстро бросила:

- Если что-то узнаю, скажу, - и добавила негромко: - Не для вас это делаю - для вашего друга. Он моего Сашку от тюрьмы спас, когда все думали, что это мой дурачок Алика Ашимова [З - Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».] зарезал. Так что если уж не узнаю, то и никто вам больше помочь не сможет.

Он вышел за порог и прикрыл лицо ладонью: недолго пробыл в ресторане, но за это время поднялся ветер, который заметал мелкую белую крупу и остервенело бросал ее по сторонам. Николай поднял воротник куртки и огляделся - улица и площадь перед Домом культуры были пусты: для жителей городка очевидная такая перемена оказалась внезапной - теплый октябрь и ноябрь вдруг стали зимой. Хотя и эта крупа вряд ли задержится. Ничего не бывает надолго. Когда-то он, оттарабанив почти двадцать лет опером, чуть под суд не попал: слава

богу, начальство статистику портить не захотело – отправило в область участковым, где он и собирался остаться и дожидаться своей пенсии. Он сменил молодого и раннего, рвущегося на службу перспективного лейтенантика Пашу Кудеярова, который, как выяснилось, сам выследил и задержал двух убийц. Он тогда даже позавидовал парнишке, у которого было все впереди: и карьера, и вся жизнь. Тогда Францев и представить себе не мог, как изменится его жизнь, придет к нему то, о чем он и мечтать не мог, – любовь и счастье.

Теперь он спешил к жене, переполненный радостным ожиданием скорой встречи с любимой и с двумя маленькими людьми – дочкой и сыном.

Глава третья

Кудеяров позвонил Карсавину, и тот обрадовался.

– Ты здесь? Так давай прямо ко мне.

– Если только вечером: тут у меня дела.

– Ты случаем не по поводу убийства нашей Алечки?

– В том числе и по этому делу.

– Тогда тебе обязательно надо к нам заглянуть, потому что следствие проводилось абсолютно бездарно. Следователь какой-то странный – доверия не вызвал. Многие просто замкнулись, говорили потом, что он смотрел на них так, как будто они главные подозреваемые.

Шлагбаум был опущен, Павел вышел из салона и направился к будке охранника с тонированным стеклом, просунул в окошко руку с удостоверением и спросил:

– Разобрали, что там написано?

– Все ясно, – ответил мужской голос, – всегда буду вас пропускать.

«Ауди» не спеша катил по центральной улице коттеджного поселка, Кудеяров смотрел по сторонам: он не был здесь почти полтора года, но ничего не изменилось. Все те же красные кирпичные заборы, за которыми стоят особняки из красного кирпича.

Полтора года назад он примчался сюда, едва отпросившись у начальства, сказал, что на пару-тройку дней, чтобы проведать родителей, а пробыл почти неделю. Остался бы и на больший срок – нарвался бы на выговор, на лишение премии, на понижение в должности, но ему все сошло с рук. Остался бы и наплевал на все, только Марина сказала, что у нее сейчас нет времени на счастье, то есть на него, и ей надо лететь в Милан. Павел отвез любимую в аэропорт, видел, как она прошла регистрацию, после чего выехал на московскую трассу и погнал в столицу, выжимая из «Хонды» все, на что та была способна.

Ворота писательской резиденции были открыты, а сам Карсавин поджидал его на крыльце. Иван Андреевич спустился, чтобы его встретить, и обнял.

– Я скучал.

– А чего по мне скучать, я же не прекрасная дама?

– Дам мне хватает. Как раз сейчас одна сидит у меня в доме.

– Так я не вовремя?

– В самый раз: это Виолетта. Она все так же въедлива, как и раньше: ей хочется быть в курсе всего.

– Меня больше Люба интересует. Ведь это она обнаружила труп Черноудовой.

– Обнаружила, – подтвердил Иван Андреевич, – но вспоминать об этом не любит. Там же еще и соседка побывала. И Виолетта побывала, и наверняка еще кто-нибудь из любопытных местных женщин. А вот Люба, на мой взгляд, изменилась – стала еще более важной, чем была прежде.

- Это понятно: ведь ее муж возглавляет крупный банк.

- Да это все маска - какая из нее солидная дама! Ей бы только покрутиться в центре чего-нибудь такого. Они с Виолеттой, как всегда, стараются быть в курсе всего происходящего, - напомнил писатель.

- Но по убийству той девушки они ничего показать не смогли.

Иван Андреевич поежился.

- Ветер поднимается... Да и снег вроде... Хотя какой это снег: обычный зимний град - мелкий и подлый. - Карсавин посмотрел на следователя. - Может, все-таки в дом пройдем: у меня дровишки в камине потрескивают, тепло. Если ты к Марине планировал завернуть, то ее нет сейчас. Но можно...

- Я в курсе, - остановил собеседника Кудеяров, - Марина сейчас в Германии, и, когда вернется, сама не знает наверняка. Но у тебя сейчас посторонние, и я не хочу, чтобы кто-то слышал наш разговор. А с Виолеттой, если потребуется, я потом один на один побеседую.

Карсавин кивнул:

- Со мной чего говорить про эту девушку убитую. У меня не было с ней особого общения, здоровались разве что... Хотя как-то забежала, и я ей книжку подарил. Аля была очень обаятельной девочкой. Собачек любила... У нас в поселке собака почти в каждом доме, даже я собирался брать, но потом передумал. Во-первых, я выпиваю. Порой бывает, что и работаю без продыху, когда, как говорится, муза посещает. Бываю занят и по другим причинам, могу отъехать на пару-тройку дней, а кому тогда с собачкой на прогулку выходить... Правда, Алечка помогала таким, как я, - чужих собак выгуливала...

- Бескорыстно?

- Нет, конечно. То есть она, насколько мне известно, деньги не просила... Но тут-то народ небедный обитает, да и не любят наши люди быть кому-то обязанными. Вполне вероятно, а скорее всего, что-то давали ей, подарочки какие, может, и деньги.

– Ты что-то про музу говорил.

– В смысле? А, это такой тонкий намек, женщины меня тоже посещают. Правда, таких преданных поклонниц все меньше и меньше становится. – Писатель замолчал, вздохнул и признался: – Насчет женщин я тебе наврал: в последнее время я все больше анахоретом... Скажу попроще – один я обитаю, и безвылазно, а если меня кто-то и посещает, то это Виолетта и Люба... Алечка пару раз заглядывала... Но ей-то интересно знакомство со мной, ведь я какой-никакой, а все-таки известный писатель. В недавнем прошлом известный... Книжку вот ей подарил, и она радовалась.

– Пойдем в дом, – предложил Павел, видя, как Иван Андреевич ежится.

Они вошли в дом. Сняв куртку, Кудеяров заглянул в гостиную: Виолетта сидела на диване, но, увидев его, поднялась навстречу. Подошла и, приобняв, расцеловала в обе щеки как близкого знакомого. Близкого знакомства у них никогда не было, но Павел не выказал никакого удивления.

– Как хорошо вы выглядите, – сказал он, – такое ощущение, что молодеете с каждым годом.

– Увы, увy, увy, – замахала руками женщина, – время мне неподвластно. За последний год прибавила в весе, немного, но избавиться не могу от лишних килограммов. Вот Люба у нас действительно молодец – в свои сорок пять такую фигурку сумела сохранить.

– Сорок пять? – удивился Карсавин. – Думал, ей больше. Когда мы с ней познакомились... – Карсавин начал загибать пальцы, – много лет назад, она уж и замужем успела побывать, и в цирке поработать.

– Вы к нам по делу или просто отдохнуть? – обратилась Виолетта к Павлу.

Кудеяров хотел сказать, что просто приехал подышать свежим воздухом, потому что в столице нет такого аромата хвои. Хотел, но не успел, Иван Андреевич ответил за него:

– Паша здесь по делу, он будет заниматься расследованием убийства Али.

Соседка вздохнула:

- Хорошенькая была девочка.

- Ну да, - согласился Карсавин, - о мертвых либо только хорошее, либо ничего, кроме правды. А мне и сказать-то толком про нее нечего.

Кудеяров удивился, но виду не подал: ведь совсем недавно этот человек нахваливал молоденькую соседку.

- Как нечего? - наивно удивилась Виолетта. - Она же к тебе бегала, ведь ты местная звезда. Ты да Вадим Катков. Ты литературная звезда, наша гордость. Катков - звезда эстрады. Ну, к Вадику она не особенно подкатывала, понимая, что конкуренция уж больно высокая. А к тебе заскакивала почти по-свойски.

- Пару-тройку раз если только.

- Так она мне сама говорила, что давно хотела познакомиться, ведь ты с ее папой был в дружеских отношениях.

- Кто?! - возмутился Иван Андреевич. - Да я видел его пару раз в жизни. Да и когда это было - сорок лет назад. Даже сорок с лишним лет.

Хозяин дома обернулся к Павлу:

- Представляете, я так был дружен с ее папой, что с трудом вспомнил, кто это. Я в школе учился, и к нам пришел студент-филолог - начал вести у нас ЛИТО - литературное объединение для начинающих писателей. Про себя он рассказал, что сам публикуется с тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, когда молодежная газета напечатала его стихотворение к юбилею советской власти... Это были и в самом деле просто замечательные вирши!

Сотрясая дали и просторы,

Не один десяток лет - шестой

Все звучит, звучит с «Авроры»

Легендарный выстрел – холостой.

Иван Андреевич выдохнул и продолжил:

– И эту двусмысленную и даже провокационную чушь и в самом деле опубликовали. Вероятно, потом посадили главного редактора или ответственного секретаря.

Иван Андреевич рассмеялся.

– Но ведь ты... – начала было Виолетта.

Но писатель не слушал ее.

– Он и потом писал такую же ерунду, и самое удивительное, что у него выходили поэтические сборники. Вот послушайте...

Помарки нет в анкетных данных,

И нет проблем в открытии виз.

Они сидят на чемоданах

И ждут путевки в коммунизм.

Карсавин снова засмеялся и воскликнул:

– Во как! Графомания высшей пробы, и хоть идеологически все выдержано, но бездарность невероятная! Но публикации у него были: пару-тройку книжонок он издал, вступил в Союз советских писателей. Восторженные литературные барышни смотрели ему в рот. Его же настоящее имя – Борис Евсеевич Шейман, но для литературы это совсем не годится, и он взял себе звучный псевдоним – Ростислав Майский.

– А почему у девочки была другая фамилия? – удивилась Виолетта.

- Папа так и не сделал ее маме предложения. Даже не жили вместе и после того, как вторая дочка родилась. И вообще, мама с дочками в Череповце, а престарелый любимец муз в Северной Пальмире. Я вообще про него и думать забыл, а потом как-то Алечка подходит на улице, ресницами хлоп-хлоп и говорит: «А мне папа про вас рассказывал».

- А потом она к тебе зачастила, - улыбаясь и явно подкалывая немолодого писателя, продолжила Виолетта, - да и ты к ней летал на крыльях Зефира, или на чем там летают поэтически настроенные пенсионеры...

- Прекрати! - не выдержал Карсавин. - Не говори так больше, а то поссоримся.

- Да я в шутку, - попыталась успокоить его женщина, - все же и так знают, с кем у Алечки был роман.

- И с кем же? - удивился Кудеяров. - В материалах следствия об этом ни слова.

- Да потому, что следователь, который вел это дело, - полный дурак, - начала объяснять Виолетта. - Он не опрашивал, а допрашивал и каждому объявлял, что нельзя покидать поселок до окончания следствия. Никто ничего ему рассказывать не хотел.

- А было чего рассказывать?

- Просто не хотели с ним люди беседовать, - объяснил Иван Андреевич, - у каждого ведь свои планы. Вот, к примеру, Виолетта с Любой хотели в Египет улететь...

- Так с кем же у Черноудовой был роман? - вернул разговор в нужное русло Павел.

- С Эдиком, - встрепенулась Виолетта, - вообще-то он Эдуард Иванович, ему сорок пять лет, и он владелец транспортной компании, то есть... - Она замялась и продолжила: - То есть был владельцем транспортной компании. У него имелась пара десятков крытых «Г» и договор с сетью строймаркетов на доставку купленных через интернет товаров. Фирма была на паях с приятелем: тот как раз и принес этот выгодный контракт, а Эдик приобрел «Газели».

– Откуда ты все знаешь? – удивился писатель.

– От Ларисы, жены Эдика... то есть от бывшей его жены. Фирма у них была на троих. Половина принадлежала Эдуарду и его жене, а другая тому самому другу. Он у них частенько тут бывал... Ну и как порой бывает – оно и случилось. Эдику сорок пять, Ларочке – тридцать с небольшим – она симпатичная, мужчинам нравилась, особо не напрягаясь, а уж если захочет понравиться, то любой мужик на стенку полезет... Не то что она уж так красива, скорее обаятельна, но очень сексапильна. Вот так и получилось, что Лариса сошлась с молодым бизнес-партнером мужа. Любовь свою они скрывать не стали, выложили Эдику все... Потом развод, раздел имущества и бизнеса... Эдуарду достался загородный дом и одна «Газель», на которой он сам теперь и работает. Взял себе грузчика и развозит товар... Но он хорохорится: одевается так, как будто он и сейчас при деньгах, на «Мерседесе» внедорожном ездит...

– «Мерседес ML», – кивнул Карсавин, – только машине уже лет двадцать или около того. Проще было бы продать ее, пока возможно, и пересесть на «Ниву», но «Нива» ведь не престижная, тем более когда вокруг банкиры да чиновники... А еще девочки молоденькие. Ходят с глазами наивными...

Виолетта посмотрела на писателя с явным неудовольствием, потом покачала головой.

– Что-то не так? – обратился к ней Карсавин.

Но женщина лишь рукой махнула.

– Желаящих взять Алечку под опеку было достаточно, но у всех тут жены, а Эдик один, – она снова посмотрела на хозяина дома, – Иван Андреевич не в счет.

Писатель промолчал, и по виду его не было заметно, что он обиделся. Наоборот, он смотрел на следователя самым заинтересованным взглядом.

– Если вы говорили об Эдуарде Ивановиче Дробышеве, – вспомнил Кудеяров, – то у него имеется алиби. Вечером накануне он повез оплаченный товар в Лахденпохью, а это в Карелии, и вернулся домой только в десять утра.

- Да-да, - подтвердила Виолетта, - как раз уже полиция здесь была. Он подошел и узнал о том, что произошло с Алечкой. Для него это был удар, судя по всему, она ему действительно очень нравилась. Говорят, он неделю из запоя не выходил.

- Выходил, - покачал головой Кудеяров, - и даже показания давал. Но меня он не интересуется. Кто-то другой еще оказывал знаки внимания девушке?

- Был еще Юрий Юрьевич, - вспомнила женщина, - это Алечкин сосед. Он даже пообещал построить на ее участке гостиницу для собак. Но потом, вероятно, передумал. Да у него такая жена, что шаг вправо, шаг влево считается как попытка побега, прыжок на месте - провокация. Да и потом, он очень занятой человек: у него автосалон «Рено» и станция технического обслуживания. А Наташа его там же бухгалтером работает. Могла бы, конечно, и дома сидеть, но надо же держать мужа под контролем. Хотя я зря наговариваю: она с Алей была в дружеских отношениях, даже помогала ей интерьер до ума доводить. Там же домик был практически без внутренней отделки.

- Что можете сказать о доме Черноудовой?

- Кого? А, это вы про Алю. Дом стоит на отшибе, там раньше было болотце небольшое - без дождей как лужа. А во время дождей чуть ли не озерцо. Но еще Хепонен покойный канаву прокопал и осушил участок, потом привез строительный бой, песок, землю и все там выровнял. Говорил, что будет использовать для общественных нужд - детскую площадку сделает или волейбольную. А потом просто выкупил у членов товарищества эту землю и построил дом. А потом, как вам прекрасно известно, Лужин в лесочке убил Олега... Жена Хепонена съехала, потом она продала свой дом, а этот стоял, пока вот Алечка не появилась. Наташа ей помогала и по участку, подарила пару яблонь, клумбы обустроила... Наташа - большой специалист по цветам. Если к мужу обращались мужчины, когда с машинами что случалось, то к Наташе - все женщины, которые хотели свою территорию облагородить. Наташа никому не отказывала.

- То есть между супругами ссор не было?

- А кто вам сказал, что были? Если Наташа и могла Юрию Юрьевичу что-то высказать, то наедине.

- То есть вы не были свидетелями их семейных ссор?

- Нет, конечно. Да они вообще-то очень дружно живут. Я почему о них вспомнила
- просто они ближайšie соседи бедной Алечки.

- Убитая нигде не работала, но не бедствовала. Не знаете, откуда у нее средства?

- Она только официально нигде не числилась, - вступил в разговор Иван Андреевич, - но она занималась собачками, круглосуточно, можно сказать.

- Вы ей перевели полгода назад сто тысяч рублей. За что? За какие услуги? Собачки у вас нет.

- Она попросила в долг, сказала, что за дом не до конца рассчиталась. То есть у нее кредит за дом не выплачен. Я перевел сто тысяч, сказал, чтобы она отдала, когда сможет. Я же человек не бедный - вам это известно.

Павел посмотрел на Виолетту:

- А вы давали ей в долг?

Виолетта задумалась, как будто пытаюсь вспомнить, а потом тряхнула головой.

- Я - нет, а вот моя подруга - вам известная Люба Гуревич давала ей деньги. У Любаши ведь собачка - вольфшпиц. И Аля иногда гуляла с ним, а когда Гуревичи уезжали, то брала Боню на это время. Если вы все переводы на ее счет проверяли, зачем спрашивать? - Она посмотрела на Кудеярова почти с негодованием. - У бедной девочки мечта была построить гостиницу для собак. Искали бы убийцу лучше. А то народ уже вопросы задает - доколе?

Павел кивнул:

- Ищем. Следователь Карпов, который вел это дело, решил все-таки на пенсию выйти. Возраст уже, да и здоровье пошаливать начало.

– Бегал слишком много, – усмехнулся Иван Андреевич, – видимо, ваш Карпов считал по старинке, что следователя ноги кормят.

Кудеяров не ответил сразу, он смотрел некоторое время на собеседника, а потом пожал зачем-то плечами и произнес негромко:

– Только между нами: Карпову пятьдесят три года, и у него обнаружили онкологию.

– Простите, но мы не знали, – попыталась оправдаться Виолетта и оглянулась на писателя.

– Павел, – произнес тот, – нам известно, что вы не последний человек в Главном управлении процессуального контроля.

При этих словах Виолетта удивленно вскинула брови, скорее всего, она не слышала совсем, в каком управлении работает Кудеяров, а хозяин дома продолжал:

– Неужели вы здесь по делам вашей службы и начальство отправило вас сюда, чтобы разобраться в обстоятельствах смерти, то есть в обстоятельствах убийства ничем не примечательной девушки?

– Жизнь любого человека важна. Убийца остается таковым независимо от того, кого он убил – банкира Панютина или Алену Ивановну.

– Какую Алену Ивановну? – не понял Карсавин и тут же сообразил. – Вы вспомнили старуху-процентщицу из романа Достоевского? Очень неудачное сравнение: поставили в один ряд какой-то пусть очень яркий, но все же выдуманный литературный персонаж и нашего друга, нашего соседа... Вон его дом за окошком виднеется.

За окном задувал ветер, швырявший по сторонам крупинки жесткого снега, от которых шарахались воробьи и синички.

Кудеяров поднялся, демонстрируя, что беседа окончена, но все же произнес:

– Достоевский так не считал.

– Так я не Достоевский, – усмехнулся писатель, – когда-то повезло, что опубликовали первый роман, а теперь старые книги мои расходятся со скрипом, а новые что-то не пишутся.

– У Марины остановитесь? – поинтересовалась Виолетта для того только, чтобы сменить неприятную для хозяина дома тему.

Следователь задумался, словно вспоминая, задавали ли этот вопрос ему совсем недавно, или не зная, как ответить на него, а потом молча покачал головой.

– Ну да, – согласилась женщина, – нашей Мариночки и не видно в последнее время.

– Она в Германии... вернее, в Европе, – сказал Павел и направился к выходу в сопровождении хозяина.

Вышли на крыльцо, и Карсавин протянул руку, прощаясь.

– Будет время, заскакивайте, – произнес он, поеживаясь, – я безвылазно дома, разве что в магазинчик отлучаюсь. – Он оглянулся и удивился: – Смотрите-ка: а снег-то всю землю покрыл – нежданно-негаданно. В тот вечер то же самое было.

Писатель вернулся в дом, и Виолетта бросилась к нему.

– Вот ведь кого к нам снова занесло, – шепнула она, как будто следователь все еще стоял на крыльце и мог услышать. – Теперь сиди и трясись, как бы чего не вышло.

– Тебе-то что переживать, – отмахнулся Карсавин.

– Так я за тебя переживаю, Ванечка! Вдруг он что пронюхал уже и начнет под тебя копать: не зря же Достоевского вспомнил. Там же тоже был какой-то дотошный следователь. Как его звали?

– Порфирий Петрович, – подсказал Иван Андреевич и поморщился, – все как-то не ко времени.

– Никто ничего не узнает, – еще тише произнесла его подруга, – а вообще, не надо было по молоденьким бегать. И кстати, твой рассказ про ее папу-поэта был очень неубедителен, как будто ты специально переводил разговор на другую тему. Я даже хотела поддержать тебя.

– Каким образом? – не понял Иван Андреевич.

– Вспомнила, как в нашей английской школе, в моем классе был мальчик из очень простой семьи: учился он плохо, но его не отчисляли, потому что он писал очень правильные стихи и выступал с ними в школьных концертах. Даже и сейчас кое-что помню:

Маленький Ленин сидит на холме

И к небу поднял свои очи.

И мысли рождаются в евоном уме

О будущем и о рабочих.

– Ну что же – прекрасные стихи, – оценил Карсавин, – интересно, кем стал тот мальчик?

– В конце девяностых тот мальчик создал финансовую пирамиду, обманул несколько тысяч человек и сбежал с деньгами в Англию.

– Так вот, оказывается, зачем он в детстве пошел в английскую школу, а не как я – с филологическим уклоном.

Женщина посмотрела на него внимательно:

– Ваня, ты опять уходишь от темы. Ты не скажешь, так кто-нибудь другой ляпнет, что она к тебе шастала, как к себе домой.

- Если ты молчать будешь, никто не узнает.

Глава четвертая

Подойдя к двери своей квартиры, Францев уловил запах борща и сразу представил себе его в тарелке с разваренной говяжьей грудинкой и обжаренными кусочками копченого бекона – именно такой борщ ему всегда готовила жена. А еще будет тарелка пюре с большой котлетой, но не из фарша, а из мелко порубленного мяса с чесночком и зеленью... Николай достал из кармана ключ, представляя, как осторожно откроет дверь, войдет в коридор, прокрадется на кухню и обнимет жену, которая смотрит в окно, ожидая его. Он обнимет ее, а она...

И в этот самый момент в кармане необычайно громко зазвонил мобильный. Пришлось стремительно выхватывать аппарат и подносить к уху, даже не проверив, кто может беспокоить в такой ответственный момент.

- Это я, – прозвучал в трубке тихий женский голос.

- Ну, – так же шепотом ответил Николай, хотя не понимал, кто звонит.

- Это Алена Сорокина, – продолжила женщина, – у меня есть информация.

- Ну, – повторил Францев, которому показалось, что за дверью в квартире кто-то вышел в прихожую. А буфетчица из «Вертолета» продолжала:

- Хозяйка сегодня вышла в зал, и ей кто-то позвонил, и она сказала, что не может сейчас говорить.

- Это все? – удивился участковый.

- Нет, она еще сказала, что ее менты трясут и чтобы он сам решил вопрос с Артемом.

- Кто должен решить?
- Сережа Холодец. Ведь это он звонил.
- Откуда знаешь? Она назвала его по имени?
- Нет. Ну это и так ясно.
- А почему я должен тебе верить?

Открылась дверь квартиры, и на площадку выглянула Лена. Францев улыбнулся ей и шепнул:

- Я тебя люблю.
- Ой, - сказал голос в трубке, - а я вроде как замужем...
- Да я это не тебе. Все! Спасибо за информацию. Если еще что будет, то звони сразу.

Закончил разговор и повернулся к жене.

- Как же я люблю твой борщ!
- Ну-ну, - ответила Лена и махнула рукой, - заходи.

На столе уже стояла тарелка с борщом: очевидно, что жена все-таки углядела его в окошко и ждала, прислушиваясь.

- Алена Сорокина звонила, - сообщил Николай перед тем, как приступить к еде.
- И часто она тебе названивает? - поинтересовалась Лена.
- Да как появляется у нее достойная информация, так и сообщает. И не она одна - работа у меня такая, чтобы порядок везде был... А люди у нас наблюдательные.

– И болтливые, – добавила жена, – уже весь поселок говорит, что снова Кудеяров прибыл, чтобы расследовать убийство девушки из «Ингрии», потому что опять маньяк начал орудовать.

– Да какой маньяк! – возмутился Францев. – Вот всякий дурак талдычит то, в чем сам не разбирается. Там налицо бытовое убийство, только непонятно, кто его совершил. Всех знакомых погибшей проверяем...

– Долго будете проверять, знакомых у нее много было. Вообще она любила хвостом покрутить. Я сама видела, как она осенью в «Пятерочку» заскакивала с писателем. Она показывала, что купить, а он все в тележку складывал.

– Много чего накупил?

– Много – немного, а на хорошую цену. Она ему пальчиком на вино французское показала, он и взял бутылку, а там цена под тысячу, если не больше.

– Он человек не бедный и может себе это позволить.

– Я за ними в очереди на кассу стояла, когда он расплачивался. На одной карте у него не хватило средств, и он даже растерялся. Но потом достал другую. А эта стояла рядом – вся такая скромная из себя... И еще говорит ему: «Иван Иванович, купите мне еще шоколадку по акции, пожа-алуйста...»

– Он Иван Андреевич... Погоди, у него было две карты?

– А что в этом особенно: у меня тоже две, одна, правда, кредитная.

– Ничего, конечно, в этом нет. Так купил он ей шоколадку?

– Взял и шоколадку, и что-то еще по акции. Она сразу отошла к выходу. Так он еще купил эти... даже неловко говорить... Короче, купил еще презервативы. Быстро схватил так и спрятал потом в бумажник. Стыдно, наверное, ему было при всех это покупать. Зачем ему, ведь пожилой человек? Ему лет пятьдесят уже, наверное.

– Шестьдесят один год, – уточнил Николай, – но ведь любви, как говорят, все возрасты покорны.

– Да какая это любовь! – возмутилась Лена. – Я эту убитую не знала. Разве что видела с писателем тогда да до того еще пару раз – теперь и не упомяну, но про нее всякое рассказывали. Официально она нигде не работала, а на что жила, спрашивается? Собаками торговала, но на это не проживешь особо – так, чтобы по кабакам разгуливать, а она ходила в «Вертолет» и в другие заведения. Там романы крутила. Мужики за нее платили, а уж как она потом...

– Борщ обалденный! – восхитился Францев. – Как и всегда, но сегодня он какой-то особенный.

– А я в него немного белых грибов добавила, – улыбнулась жена.

– А с кем она по кабакам шастала? – вернулся к теме участковый.

– Да я откуда знаю – мы ж туда не ходим. Но, по слухам, она крутила с Артемом Головкиным, который был любовником Варьки – хозяйки нынешнего «Вертолета». За что Варвара приказала Холодцу избить Артема.

– Я слышал про это. Но обоих молодцов я не знаю – они не местные.

– А ты у Марины на рынке спроси.

– У какой? Их там две: одна носками и трусами торгует, а вторая рассадой, цветами, грибами и фруктами из сада. И обе на контакт со мной не идут.

– Которая носками – это Марина Теплушка, а вторая Марина Гогольшвиндер. Первая переживает, что на нее мужчины не клюют, вторая говорит, что ей мужики не нужны вовсе, потому что в свое время она ими объелась. И теперь для Гогольшвиндер самое важное – это дочка и внучка.

– Надо же какая правильная! Непонятно только, зачем она в неурочное время на площади самогонкой торгует. А почему вдруг Гогольшвиндер?

– Так она сама так выражается, когда происходит что-то ей непонятное, так говорит: «Это просто Гогольшвиндер какой-то!» Они с Варварой-кабатчицей были подружками с детства. Но потом их пути разошлись: одна ушла в большой общепитовский бизнес, а вторая на рынке торгует чужим товаром. Да и самогонку она не сама гонит, ей дают под реализацию, как и рассаду. Ты-то сам чего ее не штрафуешь?

– Чтобы меня весь городок ненавидел?!

На этом разговор о служебных делах Николая был завершен, но, когда отобедав, Николай подошел к Лене и наклонился, чтобы поцеловать любимую жену, она вдруг отстранилась и произнесла с улыбкой, но достаточно серьезным тоном:

– Вот что я скажу тебе, любимый: привлекай-ка меня к оперативной деятельности. У меня времени много: я в декретном отпуске. Детей накормила, спать уложила и буду все анализировать. Я дедуктивный метод применять умею. Я в детстве очень любила детективную литературу: Шерлока Холмса всего прочитала, а потом и Агату Кристи, и про Перри Мейсона, и про патера Брауна... Всех уж и не упомяну.

– Конечно, буду привлекать: я даже не предполагал, что ты специалист не только по борщам!

Францев шел по рынку вдоль рядов: народу почти не было, да и продавцы особой любовью к работе не отличались – многие из них отсутствовали. Но Марина, о которой говорила жена, стояла на привычном месте. Николай подошел и начал рассматривать выставленный ею товар: банки с маринованными грибами, консервированные патиссоны, помидоры, компоты, салаты, соленые огурцы и антоновские яблоки.

– Привет, Марина, или как тебе привычнее – Гогольшвиндер?

– Гогольшвиндер – это я для самых близких. А так я Марина Незамерзайка. Есть тут у нас еще одна Марина...

– Теплушка? – проявил осведомленность Францев. – Которая носками и трусами торгует? Что-то не видно ее сегодня.

– Как снег пошел, так она домой поспешила: рынок ведь неотапливаемый, и она тоже заранее не утеплилась. Вы, Николай Степанович, по какому вопросу ко мне?

– Да я побеседовать пришел. Начальство требует, чтобы я тебя привлек за незаконную продажу алкоголя.

– Штраф хотите мне выписать?

– Если бы хотел – давно выписал бы. Но кто-то на тебя кляузы клекает, вот меня и вызвали в РУВД, чтобы я тебя провел по первому пункту статьи сто семьдесят первой.

– А это что за фигня такая?

– Это тебе, Мариночка, не фигня, а федеральный закон. По этой статье наказание – триста тысяч рублей и ограничение свободы на полгода. Но и это еще ничего, а вдруг начальство потребует пришить тебе двести тридцать восьмую, а там до двух лет общего режима...

– И что теперь делать?

– Не обидишься, если я проведу с тобой профилактическую беседу и выпишу тебе квитанцию штрафа в пятьсот рублей? Доложу начальству, что гражданка Ветрова встала на путь исправления. Да, кстати, ты про убийство девушки ничего не слышала? А то сказал бы еще начальству, что ты оказывала помощь следствию, и тогда они с меня слезут, я даже штраф выписывать не буду.

Марина пожала плечами:

– А что я могла слышать? Что все слышали, то и я слышала... Зарезали девушку в собственном доме.

– Но она же вроде гуляла с Артемом, у которого был роман с Варварой.

- Этого я не знаю. С Варей давно не общаюсь – у нас с ней ничего общего.

- Ну, вы же по одной статье проходили: тебе – три года условно, а она на реальный срок поехала...

- Так это по малолетке было: тридцать лет назад. Мы тогда нашу школу окончили – она тогда еще восьмилеткой была – и рванули в город: здесь работы не было. Я в техникум общепита поступила, Варька – в швейное ПТУ. Виделись мы с ней часто. Приехала она ко мне как-то с бутылочкой портвейна. Выпили мы ее, ну и развезло нас. Вечером по темноте пристали к одной студентке. Варька ей ножик приставила к горлу и заставила дубленку снять и цацки из ушей достать: обещала личико на лоскутки порезать. Через два дня пришли в нашу общагу менты с пострадавшей и начали по всем комнатам шарить. Вот так и взяли меня. Я Варьку и сдала. И три года условно получила за то, что ножом не угрожала, ничего не требовала, а просто рядом стояла.

- Краснова всегда с ножом ходила?

Марина кивнула:

- Тогда все время при ней был нож: она боялась, что ее изнасилуют. Нам ведь тогда по шестнадцать лет было, а сейчас-то чего бояться, но привычка у нее осталась.

- Так она с ножом до сих пор разгуливает?

- Не знаю – в сумочке у нее не рылась, но когда я была в ее кабинете, то ножик лежал у нее на столе, и она им поигрывала.

- Такая небольшая финка с костяной ручкой, – встрепенулся Францев, – немного похожая на морской кортик.

- Ну, вроде того. Только меня не надо на эту тему крутить: я даже если и опознаю этот кинжал, то не подпишусь под протоколом, потому что могу ошибиться, да и вообще мало ли ножей похожих. Я ляпну языком, а у человека потом жизнь поломанной будет.

- У какого человека?

- Да все равно у какого. Взять хотя бы того, кем вы интересовались. Я даже слышала, что по Варькиному указанию ухайдакали парня прилично. Он полчаса подняться не мог, потом шел и кровью харкал. Вас хотели вызвать, а вас не было на месте.

- Надо было в дежурку звонить.

- А смысл? Этот Артем сказал бы, что поскользнулся и упал. Так что, если Кудеяров хочет про то убийство что-то узнать, не за ту веревочку тянет.

- Какой такой Кудеяров? - изобразил непонимание Францев.

- Сами знаете какой. Участковый наш бывший, который в Генеральной прокуратуре теперь большой начальник.

- Он в Следственном комитете: они уже давно разделились с прокуратурой.

- Да какая разница, - махнула рукой женщина. - Мы все тут заранее знали: если местные менты убийцу не найдут, то Павел Сергеевич приедет и решит вопрос. Тут никто перед ним крутить не будет - он ведь здесь свой... Вот он сегодня и прибыл. Все его уважают и жалели, когда училка другого выбрала... Понятно, что Уманский с нее пылинки сдувает, шубы ей покупает. Шубы не шубы, а Кудеяров в столице на высокой должности, с большими людьми общается, президента наверняка лично видел. А Уманский хоть и король среди нас, но мы кто? Мы деревня!

- Ты что, - догадался наконец Николай, - пьяная, что ли?

- Да ни в одном глазу. Приняла полтинничек, да и то для того, чтобы согреться. Я ж не просто так Незамерзайка - мне топливо необходимо для подогрева.

- Ладно, - произнес Николай, давая понять, что разговор окончен, - сегодня я тебя штрафовать не буду: за руку на реализации алкоголя не поймал, но учти, если будет жалоба, что ты в неположенном месте торгуешь косорыловкой, жалеть не буду. А уж если на качество товара нарекания будут...

– Какая косорыловка?! – взмахнула руками женщина. – Я у проверенного производителя беру. Там двойная перегонка, да еще настаивается на смородиновых или на березовых почках, а еще на кедровых орешках. А по особому заказу – на семенах петрушки, полгода надо настаивать – лечебная вещь.

– Надо будет взять бутылочку и на экспертизу отправить.

– Давно пора, – обрадовалась Марина Незамерзайка, – я две бутылочки дам? Одну для вашей персональной, Николай Степанович, экспертизы, а вторую лично для начальника РУВД – пусть попробует.

– Начальник РУВД абы что не проверяет, – вспомнил Францев, – он привык общаться с французскими коньяками и с виски разными.

– Попробует мой товар и перестанет с ними общаться, – обрадовалась Марина. – У меня даже Уманский товар берет, чтоб вы знали; не сам, конечно, – водителя своего присылает. А Уманский себе все что угодно позволить может. Захотел однажды и отбил училку у нашего Павлика Кудеярова... Та музыку преподавала, а теперь заместитель директора школы... Вцепилась в него двумя руками... Ой, – вспомнила Незамерзайка, – я же Уманского видела с той, которую убили... Они мимо меня в машине проехали. Я на перекрестке стояла. Он подъехал и остановился, мне рукой махнул, чтобы я дорогу перешла. Тут-то я ее и заметила. А потом ее убили... Может, это Вика ее... того самого: она хоть и в школе работает, но девушка ревнивая...

– Глупости не говори, – остановил женщину Францев, но, подумав немного, спросил: – Они в городок наш въезжали или выезжали?

– Выезжали и о чем-то беседовали. Девушка ему что-то рассказывала и даже рукой размахивала. Это в начале дня было. Часов в десять утра – точной даты не помню.

Тут к прилавку подошли покупатели, и участковый решил не задерживаться – он и так узнал то, что хотел: у Варвары-Красы была финка с костяной ручкой и гардой. Он даже хотел тут же позвонить Павлу и сообщить об этом, но какая-то мысль, промелькнувшая в его голове, остановила, что-то очень важное – ускользающая деталь. Николай даже остановился, чтобы вспомнить. Только что

он узнал: девушка ехала в машине главы администрации на переднем сиденье и что-то говорила ему, размахивая рукой. Если человек размахивает рукой при разговоре, значит, он взволнован и говорит о чем-то важном для себя, говорит об этом человеку близко знакомому – а уж она никак не может быть близко знакомой с главой администрации Ветрогорска – с богатым и влиятельным человеком. И куда они могли ехать вместе в его машине, если Уманский в рабочее время разъезжал всегда в служебном автомобиле и за рулем находился водитель.

Францев направлялся к опорному пункту, и когда до того уже оставалось немного, увидел стоявшего у дверей человека, ускорять шаг не стал и даже сделал вид, что не замечает никого. А тот помахал ему рукой, как будто подзывая к себе. Только сейчас Николай узнал его – Анатолий Каликин, или просто Толик, а еще чаще просто Толян. Каликин нигде не работал, то есть постоянно устраивался куда-то, но долго на очередном месте не задерживался, и даже не потому, что был подвластен зеленому змию. Выпивал он ненамного больше других – просто по утрам он никак не мог проснуться, а разбудить его было некому: по крайней мере, он так объяснял свои многочисленные опоздания или прогулы.

– Во как! – произнес он, когда Францев подошел. – Зима началась, снег выпал.

– Это не снег, – возразил участковый, – припорошило немного.

– Ну да, – согласился Толян, – пороша была, значит, припорошило не снегом, а порошинками.

Николай открыл дверь и поинтересовался:

– Ты чего пришел?

– Я-то? – переспросил Каликин, как будто рядом находился кто-то еще. – Ну да! Я пришел узнать по поводу убийства той дамы: будет ли какое-то вознаграждение тому, кто укажет на преступника?

Толян проскочил в теплое помещение и почесал себе кончик носа в ожидании важного для себя известия.

- Не знаю насчет денег, - признался Францев, - но почетную грамоту я тебе гарантирую.

- Эх, - расстроился Каликин, - а я думал оказать помощь следствию.

- Можешь и не оказывать, но тогда за сокрытие важных фактов и улик ты попадешь под статью.

- Seriously?

- Ладно, - кивнул участковый, - вознаграждение наверняка будет, потому что преступление хоть и нерезонансное, но до сих пор не раскрыто.

- Да я не из корыстного интереса, - начал объяснять Толян, - просто я могу пострадать в смысле собственного здоровья и личной жизни, потому что за всем этим стоят высокопоставленные особы. А такие особы ни перед чем не остановятся.

- Откуда у нас высокопоставленные особы? - удивился Францев.

- А ты, подполковник, пораскинь мозгами, - посоветовал Каликин, - ну догадался?

И поскольку участковый молчал, подсказал:

- Ну-ну... Подумай, подумай хорошенько... Эх, непонятливый какой. Ладно, скажу: это Уманский Леонид Владимирович.

- Глупость какая! Леонид Владимирович - интеллигентный человек...

- Он интеллигентный?! Да когда на него пять лет назад трое напали, знаешь, какими словами он их обложил?! А потом всем накостылял. А когда один его дубиной по спине окрестил, то он ему, между прочим неплохо в душе человеку, челюсть сломал.

- А Саньке Сорокину челюсть, а третьему вашему... Ты зачем дубину схватил?

– Просто она лежала сама по себе, а я вижу, что Уманский метелит Санька Сорокина, а тот ведь здоровый бугай. Тогда я поднялся, а перед глазами синий туман, и не помню сам, как схватил... Но тогда Уманский еще не был главой администрации. Тогда главой города был уважаемый Михаил Борисович Друян, если помнишь такого. Его потом тоже сняли за хищения... А жена его тогда такое натворила... [4 - Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».]

– Все я помню, – остановил поток воспоминаний Францев, – сейчас с чего ты решил, что убийца молодой дамы – Уманский?

Толян вздохнул и, старясь оставаться спокойным, произнес:

– Рассказываю с самого начала. В этом году в июне мне подвернулась халтура. То есть не мне одному, а нам с Костиком Залетовым, у которого манипулятор имеется. Надо было колодец почистить в коттеджном поселке «Ингрия», в котором проживают всякие шишки.

– Там же скважина и водопровод централизованный, – удивился Францев.

– Ну да, а в том доме нет... Это там, где дамочку эту пришили. Она и была заказчиком. Ну, мы с Костиком и осмотрели объект, договорились о цене и стали ждать жарких дней, чтобы вода быстро не прибывала. А мороки там было много, надо было кольца вынимать, осиновый щит на дно ставить, подводку к дому менять...

– Ближе к делу, – поторопил Францев.

– Так я о деле и говорю. Взяли мы аванс, а как работу закончили, решили получить оставшуюся часть, а девушка эта говорит, что у нее сейчас нет средств на счете и надо подождать... Ждали мы неделю, а потом я возле администрации нашей стою, так просто, пришел новости узнать. Стою, никого не трогаю. Рядом машина, что характерно, иномарка. А тут из администрации Уманский выходит, а эта из машины выпорхнула и к нему. Я, естественно, тоже, чтобы спросить у нее: «Когда, мол?» Подошел и услышал, как она ему говорит, что ждет решения своего вопроса.

– К чему ты мне все это рассказываешь? – не понял участковый.

- Так я по существу дела, как положено. Уманский этой говорит: «Вали отсюда, девочка, чтобы я не видел тебя больше. А если еще со своей тачкой подъедешь, то...»

- Дальше-то что?

- Она пошла к машине, из которой вышла. Я догнал, хотел спросить, но она и сама сказала, что я ее достал. И попросила парня, который сидел за рулем, чтобы он отдал мне двадцать тысяч, и тот дал мне четыре пятитысячных.

- Что за парень?

- Который с Варькой-Красой крутился. А Варька, сам знаешь, в бандитском авторитете была. Может, за старое решила взяться.

- Она сидела за карманные кражи.

- А в первый раз еще по малолетке за гоп-стоп! Может, она опять банду организовала. Я же только сейчас понял, про какую тачку говорил Уманский. «Подъехать на тачке» на воровском жаргоне значит шантажировать. И как я понял это, все сразу в моей голове сложилось. Банда Варьки что-то узнала про Уманского и хотела его шантажировать, подослали эту дамочку, потому что кому другому он сразу в челюсть заедет. А со сломанной челюстью ходить – ой как несладко! А если через трубочку бульоном начнут кормить? Леонид Владимирович дамочку бить, конечно, не стал, он ее отшил словесно. После чего банда шантажистов перешла к решительным действиям, и Уманский дал понять, что он-то тоже не хрен в огороде.

- Это все? – устало спросил Францев.

- Дак это...

- То есть ты лично не видел, как кто-то забрался в дом Алевтины Черноудовой, зарезал ее, потом так же под покровом ночи исчез?

- Лично не видел, но все так складывается, что, кроме него, некому. Это ж, как ее?.. Это же логика. А против логики не попрешь.

- А может, она кому-то денег была должна и не хотела отдавать? Ее поставили на счетчик, она подключила свои криминальные связи, и тогда ее зарезали.

- Такое случается, - согласился Толян, - за долг могут и на принцип пойти.

- А ты не в курсе, кому она была должна?

- Мне, - признался Каликин, - мне и Костику. Костик в принципе человек вспыльчивый, но не до такой же степени.

- Мой совет, - негромко произнес Николай, - ступай-ка ты к своему дружку Залетову, и сидите оба тихо и про долг этот никому больше не говорите.

- Я понял, - согласился Толян, - будем сидеть тихо. Я пошел?

- Иди. Хотя погоди. Третьим в вашей компании был твой дружок Залетов?

- Это когда мы на Уманского напали? Ну да, третьим был Костик. Ох и досталось нам тогда. Дольше всех Санек Сорокин продержался - он ведь в спецназе служил. Зато ему и прилетело больше всех.

- А теперь представь, Толян, что Леонид Владимирович с тобой одним сделает, если узнает, что ты на него порожняк гонишь.

Каликин побледнел.

- Долбанный ежик! Вот не подумал, - произнес он, - но вы, Николай Степанович, ему ведь не скажете.

- Постараюсь, - пообещал Францев.

Открылась дверь, и в помещение опорного пункта вошел Кудеяров.

- Кого я вижу! - сказал он, глядя на Толика. - Гражданин Каликин! Сколько лет! Ну что, Толян, больше не ворует крашенные яйца, которые на Пасху к церковь освещать приносят?

– Что я, нехристь, что ли?! – испугался Каликин. – Всего один раз это было, когда у меня было тяжелое моральное и материальное положение.

– Гражданин Каликин пришел сюда, чтобы оказать помощь следствию, – объяснил участковый, – но, к сожалению, то, что он сообщил...

– Не говорите, пожалуйста, – попросил Толик, – вы со мной уже провели беседу, и я все осознал. А сейчас я пойду к своему другу Константину Залетову, и мы оба будем сидеть тихо.

Когда за ним закрылась дверь, Павел посмотрел на Францева:

– И какую помощь следствию готов был оказать этот не совсем законопослушный гражданин?

– Он сообщил, что гражданку Черноудову убил Леонид Владимирович Уманский.

Павел кивнул, помолчал и признался:

– А я прибыл сюда как раз по просьбе Леонида Владимировича. А до того связался со следователем Карповым, и тот доложил мне, что глава городской администрации Уманский всячески тормозит ход следствия, по крайней мере, пытается это делать и оказывает давление на свидетелей. А свидетелей, как ты и сам хорошо знаешь, нет никаких. Кроме того, вчера, приехав в Питер, я встретился с сестрой убитой Черноудовой – с Кристиной. Та, как выяснилось, сама совсем недавно попала в историю с убийствами: ничто ей не угрожало, но другие люди погибли [5 - Екатерина Островская. «Цвет бедра испуганной нимфы»]. Сама она считает, что сейчас ее снова хотели убить, но по ошибке пострадала Алевтина. Я так не думаю. Разговор долгим не получился, но девушка успела сообщить, что сестра, которая обычно с ней ничем не делилась, говорила, что поселок «Ингрия» престижный и в нем живут известные люди: банкиры, писатели, артисты. Есть даже писатель, который знаком с их отцом-поэтом. Писатель вел себя непорядочно, а потому его ждет заслуженное наказание.

– Что она имела в виду?

- Эту сестра не знает, она вообще забыла о том разговоре, и только мои вопросы помогли ей вспомнить...

- Алевтина была знакома с Уманским, - вспомнил Францев, - и там тоже имелись какие-то разногласия.

- А еще ее сестра сказала, что дом убитой купил их отец. У них умерла бабушка - мать отца. После нее осталась квартира. Борис Евсеевич даже не думал ее продавать, но все же сделал это по требованию старшей дочери... Деньги разделили на троих, но две части дочерей забрала Алевтина, пообещав вернуть в самое ближайшее время, но пока не отдала ни копейки и теперь уж не отдаст.

- А это ли не повод для убийства?

- Ни в коем случае, - уверенно заявил Кудеяров, - я видел ту девочку. Не могла ни она сама, ни попросить кого-то. И потом смысла в этом нет. Пока Алевтина была жива, имелся шанс вернуть свою долю, а так - ни денег, ни шанса. Кстати, та сумма, что забрала Алевтина, больше стоимости ее домика, следовательно, непонятно, куда она отправила часть денег. И уж тем более не брала кредит, о чем сказала Карсавину.

- На мебель и на оборудование дома могло пойти...

- Подтверждения этому нет. Вполне возможно, что у нее были долги. Младшая сестра сказала, что Аля всегда жила на широкую ногу, а значит, долги возможны.

- Установили, кому она была должна?

- Частично установили, но все долги мелкие - за такие не убивают и почти все кредиторы, с которыми удалось поговорить, утверждают, что отдачи от Али особо не ждали. Иногда она вспоминала и отдавала, когда человек уже давно похоронил эти деньги. Все отзываются о ней в превосходной степени, говорят, что она очень любила животных, тратила деньги на помощь бездомным животным, мечтала построить свой приют для собак. Светлая и добрая девушка.

– Живущая на широкую ногу, – добавил Францев и продолжил: – А был у нее какой-нибудь... как теперь говорят, бойфренд?

– По уверению сестры, Але с этим делом не везло: какие-то ухажеры у нее появлялись время от времени, но она в них быстро разочаровывалась. Но сестра сразу предупредила, что они не были так близки из-за разницы в возрасте. И дело даже не в этих шести годах, что их разделяли, а в том, что Алевтина сразу после школы уехала из родного города, а Кристина осталась. Аля хотела поступить в ветеринарную академию, но что-то у нее не срослось... Она начала работать, потому что у отца жить не захотела: у того уже давно другая женщина, а с матерью обеих девушек он даже расписан не был, но отцовство признал; иногда брал девочек на каникулы, в основном, конечно, Алю... Он и расходы на похороны взял на себя. Но со мной встретиться отказался, сказал, что потеря дочери для него незаживающая рана и он не хотел бы говорить на эту тему.

– Какие теперь наши действия? – спросил Францев.

– Занимайся своими делами, а если мне потребуется помощь, то я тебя вызову.

Участковый обиделся, но виду не подал. Просто кивнул, словно ожидал именно такого ответа, и сказал:

– Зря ты не пришел на обед: Лена такой борщ приготовила – пальчики оближешь. Она каждый раз придумывает что-то новенькое, а сегодня положила в борщ белые грибы.

– Ты счастливый человек, Коля, – улыбнулся Кудеяров, – постараюсь быть у вас завтра. А я сегодня даже ужинать буду неизвестно где. Мне надо еще кое с кем побеседовать из ее соседей.

– Со мной сначала побеседуй, – напомнил Николай, – я тут тоже кое с кем общался: узнал кое-что интересное.

Они поговорили какое-то время, Николай поделился добытой информацией, но Кудеяров воспринял ее абсолютно спокойно, словно она ничего не значила для него. Потом сказал, что надо пообщаться с жителями поселка. Встал, вышел из кабинета участкового.

Глава пятая

Ворота были не закрыты, и сразу за ними стояла крытая тентом «Газель». Павел обогнул фургончик и увидел невысокого человека, который стоял возле кабины, закинув голову и приложив к губам термос.

– Подполковник юстиции Кудеяров, – представился Павел, – Следственный комитет Российской Федерации. Вы Дробышев Эдуард Иванович?

Мужчина опустил руку с термосом, кивнул и объяснил, как будто решил оправдаться:

– Сегодня пораньше закончил, пахал целый день как проклятый, не было времени даже чайку попить – не выливать же. А как вы узнали, что я здесь – обычно я раньше девяти вечера не возвращаюсь?.. Хотя чему тут удивляться – вы же сыщик.

Он захлопнул дверь кабины своего фургончика и показал рукой на крыльцо.

– Пойдемте в дом, что ли.

Уже в прихожей Кудеяров обратил внимание, что внутренняя отделка здесь намного проще, чем в доме Карсавина или Марины Лужиной.

– Да-да, – произнес хозяин, заметив, как гость рассматривает пространство вокруг себя, – дом был куплен без отделки, и я сам своими руками все это сделал... И электричество проводил, и водопровод с канализацией. Мороки, конечно, много было, зато сэкономил изрядно. На втором этаже отделка до сих еще не закончена. И времени не хватает, и настроения. Мне одному и так сойдет. А в городе у нас с бывшей женой была большая квартира с видом на залив – семнадцатый этаж, купол Морского собора в Кронштадте виден, и яхты, катера, круизные суда...

– Что ж так? – удивился Павел. – Выходит, что при разводе у вас с бывшей женой получился неэквивалентный обмен. Дорогую квартиру обменяли на недостроенный дом. Не мое дело, конечно, но ведь вы еще и свою фирму ей отдали.

– Я так не считаю, – ответил Эдуард Иванович, – мне достались свежий воздух и свобода, а это для меня самое главное. А в городе я уже задыхался и от атмосферы, и от жены, которая была вечно чем-то недовольна. А что касается фирмы – бог с ней: у меня есть колеса, есть работа – правда, почти каждый день за рулем, да еще приходится грузчикам помогать, но грех жаловаться – на хлеб хватает.

– Одна машина у вас?

– Да, правда, я заключил договор аренды с одним местным, что беру его машину вместе с водителем. Я сейчас выставил свой «мерс» на продажу, если повезет, хватит денег еще на один фургончик.

– Местный, случайно, не Саша Сорокин?

– Он самый, – кивнул Дробышев, – хороший парень, повоевал, немного контужен, но это ведь не помешало ему права получить. Зато он очень сильный, в одиночку может письменный стол или шкаф на пятый этаж без лифта поднять.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

2

Екатерина Островская. «Двери в темное прошлое».

3

Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

4

Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

5

Екатерина Островская. «Цвет бедра испуганной нимфы».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ekaterina-ostrovskaya/dama-s-chuzhimi-sobachkami>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)